

ШЕДЕВРЫ УЖАСА В ИЛЛЮСТРАЦИЯХ

ГΟΡΙΖΟΝΤЫ АРКХЕМА

ГОВАРД ФИЛЛИПС
ЛАВКРАФТ
илюстрации
САНТЬЯГО КАРУЗО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

ПРЕДИСЛОВИЕ САНТЬЯГО КАРУЗО

Следующая далее подборка отрывков имеет целью показать почтительность или неприязнь, которые Лавкрафт испытывал к некоторым городам, городкам и поселкам. Совершая многочисленные путешествия по Массачусетсу (в 1920—1936 гг.) в поисках старинных причудливых построек, архитектурных свидетельств колониальных времен, он описал множество своих впечатлений в письмах, эссе и путевых дневниках.

Благодаря этому внимательный читатель может отследить увлекательную связь между реальными ландшафтами и зданиями и созданной воображением автора местностью вдоль реки Мискатоник: Кингспортом, Данвичем, Иннсмутом и Аркхемом.

Где-то на мрачном горизонте они сливаются.

Однако именно Провиденс, где Г.Ф. Лавкрафт все это замыслил и написал, навсегда останется переходной зоной между реальностью и вымыслом.

Рассказы, собранные в этой книге, дают прекрасное представление как о городских, так и о сельские местностях, из которых Лавкрафт образовал свою *потустороннюю* Новую Англию.

Вместе с книгой «Ужас Данвича» они дают полное представление о так называемой «Стране Лавкрафта».

ОТРЫВКИ

ИЗ ЗАМЕТОК Г.Ф. ЛАВКРАФТА О ДОРОЖНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ

«Прибрежные города поражены недугом перемен и стремления к модернизации. Их странные нарости, архитектурные и топографические, и трансформации демонстрируют угрожающую тиранию техники и производную от нее власть инженерии, которые быстро лишают нынешние места проживания людей всякой связи с их предшествующей историей и отправляют их дрейфовать в чужеродный им океан без якоря и почти без традиций. Мрачные чуждые формы, произошедшие от умонастроений и побуждений, противоположных тем, которые сформировали наше наследие, нескончаемыми потоками проносятся по задымленным и залитым слепящим светом фонарей улицам; такая обстановка склоняет к странному поведению и насаждает странные обычаи. В примыкающей к городам сельской местности хорошо заметны язвы перемен. Водохранилища, рекламные щиты и бетонные дороги, линии электропередач, гаражи и расфуфыренные гостиницы, убогие иммигантские поселения и грязные поселки при фабриках; это и все подобное привнесло уродство, безвкусицу и обыденность в отбрасываемую городом полутень. Только в отдаленной лесной глупи можно еще найти незапятнанную красоту, что была характерной для южной части Новой Англии наших предков [...]»

[...] С таким настроем, смягченным, возможно, созерцанием красоты холмов и излучин рек на подступах к нему, вступает

в Вермонт житель южной части Новой Англии. Он уже некоторое время видел из Коннектикута его холмы, куполоподобные и волнообразные, отблескивающие цветом чистейших изумрудов, не обезображеные уродством или паровыми машинами. Затем все вдруг стремительно приближается, и по ту сторону прозрачнейшей водной поверхности вырисовываются восходящие террасы старого города, как могла бы открыться любимая, запомнившаяся картинка, когда медленно переворачиваешь страницы детской книги. Сразу же становится ясно, что этот город не вполне похож на те, что остались позади. Крыши, шпили и дымоходы, весьма прозаичные в описании, образуют здесь, на зеленом крутом склоне реки, некое волшебное сочетание, пробуждающее смутные воспоминания.

Что-то в общих очертаниях, что-то в атмосфере здесь способно затронуть глубокие струны чувств, наследственных, если человек молод, или личных, если он стар. Вся эта сцена смутно напоминает о мимолетных особенностях, с которыми мы были знакомы ранее. Когда-то давно мы видели такие города, поднимающиеся от рек в глубоких долинах и воздвигшие свои старые кирпичные стены у покатых, мощных бульдожником улиц. Величия, может, и мало-вато, но чудо возрожденного видения явно есть. Здесь живо что-то, умершее уже в других местах; что-то, что мы или наша кровь можем признать более близким к себе, чем оживленный южный космополис. По сути, это сохранившийся фрагмент старой Америки; это то, чем были другие наши города в те дни, когда они были самими собой, в те дни, когда в них жили именно их люди и создавали все те маленькие легенды и крупицы преданий, которые делали эти места очаровательными и значимыми в глазах их детей. Проходя по древнему мосту с крышей и деревянными стенами, мы перемещаемся на десятилетия в прошлое и попадаем в зачарованный город мира наших отцов».

Из «Вермонт: первое впечатление» (1927)

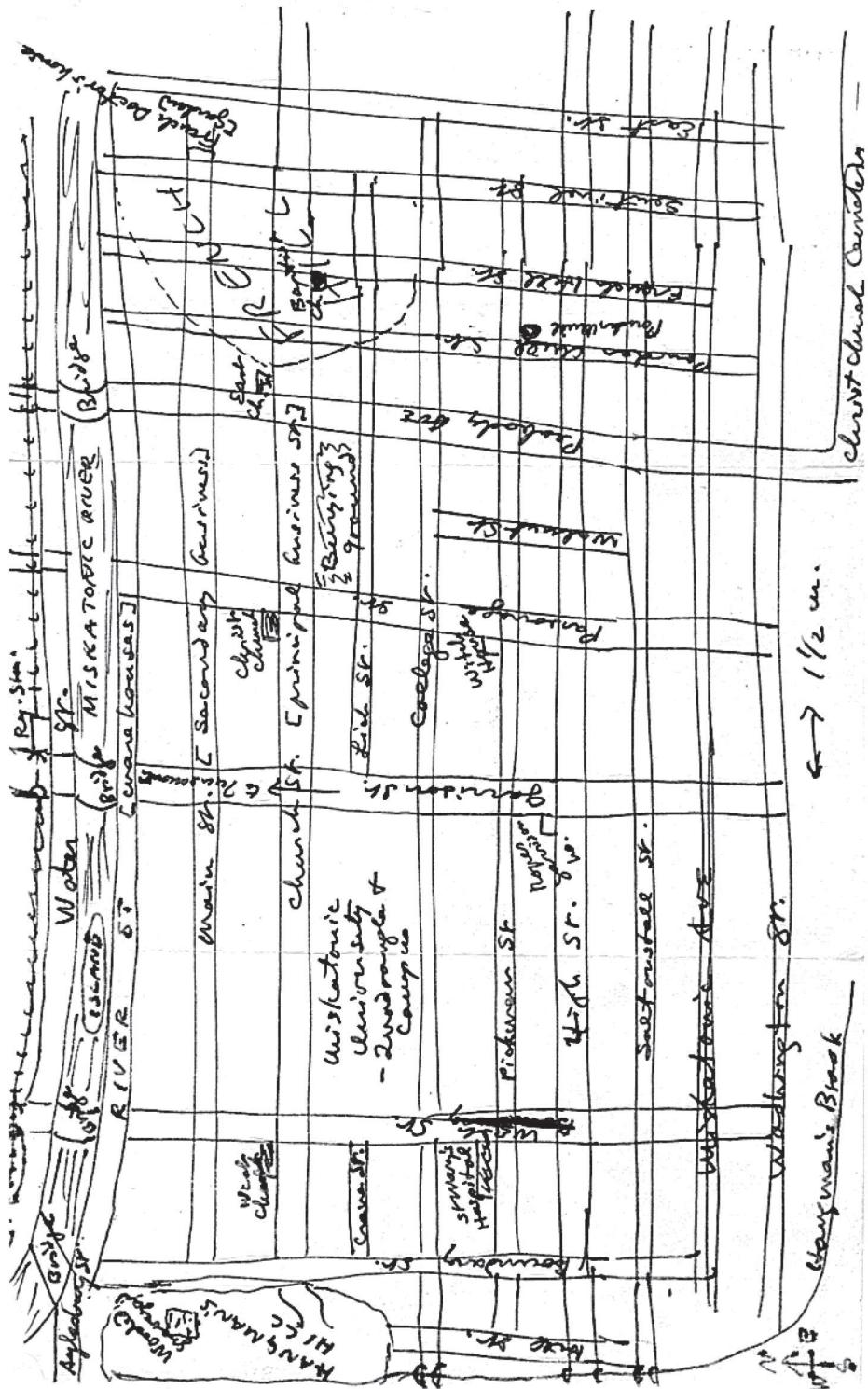
«Что касается декораций для историй — я стараюсь придерживаться реализма настолько, насколько это возможно. Разрушающиеся старые города с извилистыми улочками и домами возрастом от 100 до 250 и более лет — реальность побережья Новой Англии. В Провиденсе сохранились несколько домов, построенных в 1750 году и около того; тот, в котором я живу, построен 130 лет назад. Самый старый дом Бостона датируется 1676 годом; в Хливерхилле есть дом, построенный в 1640 году, и так далее. Мой придуманный “Кингспорт” — своего рода идеализированная версия Марблхеда в Массачусетсе, тогда как мой “Аркхем” более или менее происходит от Салема, хотя в Салеме нет колледжа. “Иннсмут” — сильно искаженная версия Ньюберрипорта, штат Массачусетс. Я надеюсь, что когда-нибудь вы сможете увидеть некоторые из этих старых городов — они мое главное хобби».*

Из письма к Эмилию Петайя (декабрь 1934)

«Сегодня я любитель древностей из Новой Англии, “не более того”, и мой главный интерес в жизни — исследовать старые города и выискивать сохраняющие дух старины улочки и колониальные резные входные двери. Все мои свободные деньги уходят на поездки в старые города, такие как Ньюпорт, Конкорд, Салем, Марблхед, Портсмут, Плимут, Бристоль и им подобные, а если выезжаю за пределы Новой Англии, то всякий раз это место, где сохранившаяся архитектура и местность в целом позволяют мне вновь окунуться в колорит восемнадцатого века; мои любимые “зарубежные” города — это Филадельфия и Алегзандрия. Соединяя эту страсть к старине с фантастическим воображением, вы сможете понять, как рождаются такие истории, как “Праздник” или “Усыпальница”.

На следующей странице: Карта главной части Аркхема, шт. Массачусетс. Нарисована Г.Ф.Л. в начале 1934 г. Впервые опубликована в фэнзине The Acolyte, Vol. 1, No. 1.

[...] Что касается “Неименуемого” — вы правы, предполагая, что в этом рассказе есть весьма мрачная фантастическая основа. [...] Раскрывая некоторые подробности, сообщаю, что я использовал пару подлинных суеверий старой Новой Англии — одно из них, о лицах уходящего поколения, прикованных к окнам, мне рассказали лично, и в подлинности этого не сомневалась высокоинтеллектуальная пожилая леди, имеющая на своем счету успешный роман и другие вполне заметные литературные работы. Живые обитатели — как правило безумные или слабоумные члены семьи, таящиеся на чердаках или в потайных комнатах старых домов, — это буквально реальность, или, по крайней мере, были таковой в сельской местности Новой Англии. Кто-то рассказывал мне, как много лет назад остановился в стоящем на отдалении фермерском доме в связи с каким-то поручением в тех краях и оказался напуган почти до смерти, когда, открыв раздвижную панель в кухонной стене, увидел в проеме самое ужасное лицо, покрытое засохшей грязью и со спутанной бородой, какое, по его мнению, когда-либо могло существовать! Конечно, элементы сурвого, гротескного ужаса в изобилии встречаются в лесной глупши Новой Англии, где дома расположены очень далеко друг от друга, а у людей с неразвитыми умом и психикой слишком много возможностей месяц за месяцем предаваться размышлением в одиночестве».

Из письма Бернарду Остину Двойеру (июнь 1927 г.)

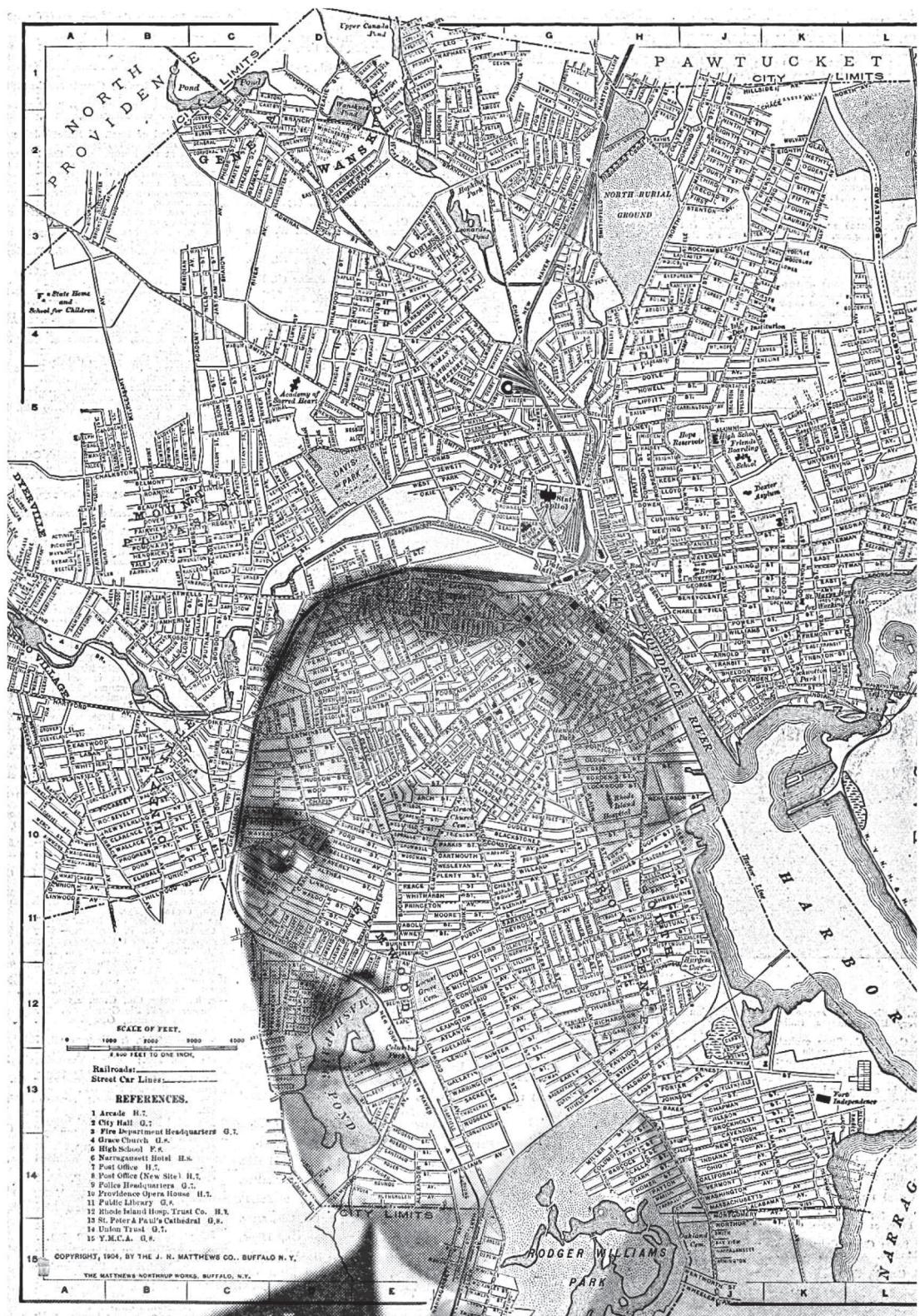
«Родной дом — это то место, где бесчисленные воздействия, зрительные и звуковые, оказываемые на добрую половину моих предков в течение трехсот лет и на меня на протяжении всей моей жизни, начиная с детских воспоминаний, малопомалу влияли на мою зародышевую плазму, формировали мой дух и создали из бесформенной протоплазмы ту индивидуальную сущность, которой я являюсь. Ибо что такое любой человек, как не отпечаток его дома и родословной? Что есть

в нас такого, что помещено туда не нашим прошлым? Воистину, ни один человек не может быть самим собой нигде, кроме как в окружении той обстановки, которая сформировала его и его предков; и я никогда не смогу надеяться обрести надежный покой там, где рядом не будет древних памятников зеленолиственного Провиденса, оседлавшего холмы, — Провиденса со старыми кирпичными тротуарами, георгианскими шпилями и извилистыми улочками на холмах, а также солнечными ветрами, дующими от ветхих причалов, у которых покачиваются на якорях корабли из былого с грузами из дальних стран. Провиденс — это я, и я — это Провиденс. Единое и неразделимое! Итак, после всех моих странствий я вернулся к чуду и красоте, более великим и неизменно более загадочным, чем те, которых искал в далеких портах или находил среди чудес под крышами домов чужаков и в экзотических горных странах».

Из «Наблюдений в нескольких частях Америки» (1928)

«Я совершенно уверен, что никогда не смогу адекватно объяснить ни одному другому человеческому существу точные причины, почему продолжаю воздерживаться от самоубийства, то есть почему все еще нахожу в существовании достаточную компенсацию его крайней обременительности. Причины эти имеют глубокую связь с окружающей архитектурой и вообще местностью вокруг, световыми и атмосферными эффектами и принимают смутную форму предчувствия приключений в сочетании с ускользающими воспоминаниями. Ощущается, что определенные вереницы воспоминаний, особенно те, что связаны с закатами, это пути приближения к областям или условиям совершенно неизъяснимых наслаждений и свобод, которые мне довелось познать в прошлом и которые имею слабую надежду познать снова в будущем».

Из письма к Августу Дерлету (декабрь 1930)

COPYRIGHT, 1904, BY THE J. N. MATTHEWS CO., BUFFALO, N.Y.

THE MATTHEWS NORTHUP WORKS, BUFFALO, N.Y.

ЗАБРОШЕННЫЙ ДОМ

Провиденс

I

Даже в самых кошмарных событиях обычно таится ирония. Иногда она вплетена в сам их ход, а иногда лишь подчеркивает элемент случайности в связях людей и мест. Именно этот последний вариант видим в случае с Эдгаром Алланом По. В конце сороковых годов прошлого века он, безуспешно ухаживая за талантливой поэтессой миссис Уайтмен, частенько посещал старинный город Провиденс. Писатель всегда останавливался в Мэншен-хаус на Бенифит-стрит — бывшей гостинице «Золотой шар», под крышей которой в свое время находили приют Вашингтон, Джейфферсон и Лафайет, а его излюбленный путь к жилищу дамы его сердца пролегал по улице, над которой раскинулось на холме кладбище Святого Иоанна, чьи сокрытые зеленью от досужего взора надгробия обладали для него особой притягательностью.

Вы спросите, в чем же заключалась ирония? А в том, что на своем пути этот непревзойденный певец загадочного и сверхъестественного много раз проходил мимо одного дома, расположенного на восточной стороне улицы, — прилепившегося на крутом склоне холма, невзрачного с виду старомодного особняка, утопающего в огромном запущенном саду, разбитом еще в незапамятные времена. Эдгар По никогда не писал и не упоминал в своих беседах об этом доме, вероятно, вообще не обратил на него внимания. А ведь по крайней мере у двух людей есть неоспоримые доказательства, что

тайна дома не уступает, а может, и превосходит по своей кошмарной сути взлеты самой изощренной фантазии не раз проходившего мимо него гения. Сам же дом и поныне мрачно возвышается как материальный символ зла.

Этот особняк привлекал внимание любопытных и в старые, и в нынешние времена. Первоначально задуманное как фермерское жилище середины восемнадцатого века, двухэтажное строение отражало вкусы зажиточных колонистов Новой Англии — островерхая крыша, глухая мансарда, портик в георгианском стиле и внутренние помещения, обшитые панелями (последнее диктовалось изменившимися представлениями о красоте интерьера). Фронтон дома смотрел на юг, восточная стена зарывалась в холм — вплоть до нижних окон, а западная выходила на улицу. Такое местоположение обусловливалось сто пятьдесят лет назад нуждами времени: требовалось выровнять улицу. Ведь Бенифит-стрит (прежде она именовалась Бэк-стрит) некогда была извилистой тропой между захоронениями первых поселенцев. Перемены стали возможны только после перенесения останков колонистов на Северное кладбище, и вот тогда, не боясь уже оскорбить чувства потомков, улицу начали выравнивать.

Прежде западная стена дома начиналась на высоте двадцати футов от тропы, но во времена Революции, когда улицу стали расширять, часть земли срыли, обнажив фундамент строения. Хозяевам пришлось облицевать подвальную стенку кирпичом, а из самого подвала сделать выход на улицу. Тогда же в подвале появились и два оконца. А когда сто лет назад потребовалось проложить тротуар, срыли еще немного земли, и Эдгар По в своих прогулках мог уже видеть только выходящую на улицу темную кирпичную стену — корпус же самого дома старинной кладки начинался лишь на высоте десяти футов.

Прилегающий к дому сад взбегал по холму вверх, раскинувшись довольно далеко и почти достигая Уитон-стрит. Та его часть, что выходила на Бенифит-стрит, была значительно

выше самой улицы. От нее сад отделяла отсыревшая и заросшая мхом высокая каменная стена с пробитой в ней крутой лестницей, ведущей мрачными переходами в верхнюю часть участка с неподстриженными лужайками и развесистыми деревьями. Унылая картина разбитых урн, проржавевших котелков, свалившихся с треног, сооруженных из сучковатых палок, и прочих неожиданных вещей дополнялась жалким зреющим обветшалой двери с разбитым веерообразным окошком, ставившим ионическими пилястрами и источенным червями треугольным фронтом.

В годы своей юности я, помнится, слышал разговоры, что в этом доме слишком часто умирали люди. Именно поэтому первые хозяева дома, прожив в нем двадцать лет, переехали в другое жилище. Место, очевидно, было нездоровым. Возможно, причина крылась в сыром подвале, заросшем грибовидной растительностью, откуда гнилостный запах разносился по всему дому, а может, вину следовало искать в гуляющих по коридорам сквозняках или в колодезной воде. Именно эти пагубные обстоятельства назывались моими близкими в первую очередь. Только годы спустя я нашел в записных книжках моего дяди, доктора Илайхью Уиппла, знатока древностей, упоминание о смутных подозрениях, которыми делились по секрету между собой старые слуги и прочая челядь. Догадки эти никогда широко не распространялись и были почти забыты со временем, когда Провиденс стал крупным городом со множеством пришлых людей.

О привидениях речи не было. Никогда я не слышал от старожилов рассказов о бряцающих цепях, ледяных порывах ветра, внезапно задутых свечах или незнакомых лицах в окне. Самые дошлые иногда поговаривали, что дом-де «нечист», но дальше этого не шли. Одно было несомненно: люди здесь умирают много чаще, чем во всей округе, точнее сказать, умирали: шестьдесят лет назад при неких не совсем обычных обстоятельствах дом опустел, и с тех пор не находилось охотников поселиться в нем. Скончавшиеся здесь люди